

Андрей Ганин

Полковник Г.С. Хутиев и его мемуарное наследие*

Andrey Ganin

(HSE University, Moscow, Russia)

Colonel G.S. Khutiev and his memoirs

DOI: 10.7868/S3034579026010215

Последние годы характеризуются всплеском интереса исследователей к публикации источников личного происхождения по истории Гражданской войны в России. Особенно много выходит материалов о Белом движении, ветераны которого за годы эмиграции оставили колоссальный по объёму и значимости массив свидетельств. При этом не может не радовать, что их издание часто сопровождается тщательной археографической подготовкой, содержательными вступительными статьями, обстоятельными комментариями и указателями.

В 2024 г. увидели свет сразу два издания воспоминаний полковника Генерального штаба Георгия Степановича Хутиева (1880–1964). Книга, подготовленная известными исследователями Гражданской войны доктором исторических наук Р.Г. Гагкуевым и кандидатом исторических наук Ю.С. Пыльцыным и вышедшая в Москве, состоит из развёрнутой вводной статьи, двух частей, приложения, аннотированного именного указателя и нескольких сотен страничных (зачёркнутые и исправленные фрагменты) и концевых комментариев. В первой части приведено сочинение белого офицера под авторским названием «На Терек в 1917

и 1918 гг. Борьба казаков с красными» и подготовленные к нему самим Хутиевым карты. Вторая часть, озаглавленная составителями «На Терек в 1919–1920 гг. Участие терских казаков в Гражданской войне на Юге России», включает небольшие работы, объединённые общей тематикой. Хотя все они написаны самим полковником, авторство одной из них – «Работа терцев в печальные дни катастрофы Вооружённых сил Юга России в 1920 г.» – принадлежит не одному Хутиеву, о чём подробнее будет сказано ниже. В приложении опубликованы выходящие за хронологические рамки Гражданской войны его «Воспоминания о готовящихся и осуществлённых десантах на Чёрном море во время Мировой войны».

Другое издание, представленное отдельным выпуском альманаха «Терский сборник», осуществлено представителями Терского общества любителей казачьей старины во главе с О.В. Губенко (Ставропольский край). Главное отличие от московской публикации заключается в составе приложений: вместо воспоминаний Хутиева о десантах здесь приведена подборка свидетельств других участников антибольшевистского движения на Северном Кавказе. Кроме того,

* *Хутиев Г.С.* Борьба терских казаков с большевиками / Сост. Р.Г. Гагкуев, Ю.С. Пыльцын. М.: Издательский центр «Воевода»; Кучково поле Музеон, 2024. 800 с., ил.; Терский сборник / Редкол.: О.В. Губенко [и др.]. Вып. 12. Екатеринбург: Издательские решения по лицензии Ridero, 2024. 759 с., ил.

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

мемуары Хутиева сопровождаются четырьмя очень краткими вводными статьями, обширным иллюстративным рядом, включающим схемы и фотографии, и биографическим справочником объёмом более 100 страниц (составлен Ф.С. Киреевым).

При подготовке рукописей к печати оба коллектива поддерживали друг с другом контакты и оказывали взаимную помощь в расшифровке трудночитаемого почерка Хутиева. При этом публикация Гагкуева и Пыльцына получилась более академичной (это признают и составители «Терского сборника»), их обширные комментарии подробно поясняют затронутые в мемуарах вопросы общеисторического плана, необходимые нюансы истории народов Северного Кавказа в эпоху революционных потрясений и частные моменты. Так, сообщаются данные о численности, социальном составе и образовательном уровне населения региона, межнациональных отношениях, статистике преступлений, особенностях развития аграрного вопроса, топонимике. Применительно к периоду Гражданской войны даётся характеристика упоминаемым Хутиевым органам власти, различным съездам, событиям партийной жизни и политической борьбы, актам террора. Особое внимание комментаторы уделили вопросам военного строительства, истории воинских частей, соединений и объединений, боевым действиям и т.д. Приведённые цитаты из свидетельств современников и различных документов помогают читателям критически оценить сообщения Хутиева и скорректировать ряд его неверных или неточных суждений.

Между двумя изданиями иногда наблюдаются незначительные расхождения при прочтении отдельных слов в источниках и при изложении биографических данных в справочной части. В «Терском сборнике» чётче вос-

произведены карты-схемы Хутиева, однако встречаются досадные неточности. Например, в некоторых случаях ошибочно указаны годы смерти¹ и рождения², место смерти³, а также последний чин Хутиева в императорской армии⁴. В публикации же, подготовленной Гагкуевым и Пыльцыным, осталось меньше нерасшифрованных мест рукописей, и дальнейший обзор будет опираться прежде всего на московское издание, ссылки на которое приводятся в тексте. Хотя, несомненно, специалистам имеет смысл ознакомиться с обоими изданиями.

Хутиев происходил из населённой осетинами станицы Черноярской Терской области. Он окончил Владикавказское ремесленное и Тифлисское пехотное юнкерское училища, участвовал в русско-японской войне, в 1910–1912 гг. учился в Императорской Николаевской военной академии, из которой был выпущен лишь по 2-му разряду. Несмотря на это, из-за дефицита кадров в 1915 г. его сначала причислили, а затем и перевели в Генеральный штаб. В годы Первой мировой войны Хутиев участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте, был удостоен Георгиевского оружия и других наград, дослужился до чина подполковника, а в конце 1917 г. назначен исполняющим должность начальника штаба 66-й пехотной дивизии. В полковники его произвели (или, по существовавшей на Белом Юге практике, переименовали) уже в период Гражданской войны.

После демобилизации из старой армии Хутиев вернулся в родную станицу, где жил как частное лицо до лета 1918 г. Затем он принял деятельное участие в руководстве казаками-повстанцами, выступившими против большевиков, и как офицер с академическим образованием курировал штабную работу. Позднее он занимал различные должности в структу-

рах Белого Юга, в частности служил начальником разведывательного отделения управления ставропольского военного губернатора, а в 1919 г. при терском атамане генерал-майоре Г.А. Вдовенко стал начальником штаба войска и вошёл в состав войскового правительства. Сохранились свидетельства невысокой оценки современниками профессиональных качеств, проявленных Хутиевым в этот период. По мнению начальника штаба главноначальствующего и командующего войсками Северного Кавказа генерал-майора Е.В. Масловского, он был «из молодых офицеров Генерального штаба, без большого служебного опыта и не имел должного авторитета»⁵. Правда, полковник не оставался в долгу и утверждал, что появление Масловского среди кандидатов на пост главноначальствующего Терско-Дагестанским краем стало «просто недоразумением», так как он «по данному моменту совершенно не соответствовал такому назначению» (с. 600). Однако были и другие критические суждения о Хутиеве. В дневниковых записях за июнь 1921 г. терский казачий офицер К.М. Остапенко назвал Хутиева глупым человеком⁶. Как бы то ни было, свой пост начальника штаба Терского казачьего войска Хутиев сохранил до конца Гражданской войны и продолжал занимать его в первые годы эмиграции в Константинополе. Позднее он перебрался в Софию, затем — в Нью-Йорк. В США Георгий Степанович работал на спичечной фабрике, помогал трудоустройству соотечественников. Похоронен он на небольшом кладбище Маунт-Оливет в районе Куинс в Нью-Йорке.

Рукописи Хутиева хранятся в ГА РФ, куда они попали при передаче чехословацким правительством фондов Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) Советскому Союзу после Великой Отече-

ственной войны. Ещё до выхода в свет их большое значение подчёркивалось в литературе по истории казачества и Гражданской войны в России⁷. Характеризуя публикуемую подборку в целом, Гагкуев и Пыльцын справедливо заключают, что «подготовленный Г.С. Хутиевым труд является наиболее масштабным из созданных непосредственными участниками событий военно-политическим очерком Терского казачьего восстания и жизни терского казачества в переломную эпоху 1917–1920 гг., затрагивающим вместе с тем многие вопросы хода Гражданской войны на Северном Кавказе и юге России» (с. 29).

Хутиев приступил к составлению мемуаров в эмиграции, закончив эту работу к 1930 г. Что побудило его взяться за перо и какими материалами он располагал, в точности неизвестно. Однако значительный объём текста позволяет предположить, что офицер, возможно, опирался на собственные записи (например, дневник), сделанные ещё во время Гражданской войны, или использовал журналы боевых действий и другие штабные бумаги. На второй вариант намекает и то, что во многих местах воспоминания полковника похожи на выписки из подобных отчётно-информационных документов.

Публикаторы отмечают, что Хутиев передал свои мемуары в пражский архив «не позднее конца 1930-х гг., когда началась Вторая мировая война» (с. 27). Однако обращение к делопроизводству РЗИА, находящемуся в собраниях Славянской библиотеки в Праге и в ГА РФ, а также к хранящейся в последнем переписке военного эксперта РЗИА генерал-майора В.В. Чернавина позволяет уточнить датировку. Судя по этим материалам, Хутиев решил продать архиву основные свои сочинения не позднее весны 1930 г.⁸

В рецензии на главную рукопись Хутиева «На Тереке в 1917 и 1918 гг. Борьба казаков с красными», датированной 25 апреля 1930 г., Чернавин писал: «Автор — терский казак, офицер Ген[ерального] штаба, служивший в мировую войну и перед нею на Кавказе, в период же революции и Гражданской войны бывший на Тереке; с началом восстания казаков против сов[етской] власти он занял должность начальника оперативного отделения штаба Терской каз[ачьей] армии, являясь в то же время в качестве старшего офицера Ген[ерального] штаба помощником и заместителем начальника штаба. В последний период борьбы на Тереке, после самоубийства командующего Терской армией ген[ерала Э.А.] Мистулова [и] вступления в командование ею ген[ерала И.Н.] Колесникова, полк[овник] Хутиев был назначен начальником штаба армии». Чернавин полагал, что представленная рукопись «не является воспоминаниями» — автор записок поставил перед собой более широкую задачу «дать по возможности полный очерк борьбы терских казаков с сов[етской] властью». Причём «в своём повествовании он о себе упоминает в некоторых случаях в 3-м лице, как об одном из участников этой борьбы». Говоря о событиях второй половины 1917 и 1918 гг., полковник обрисовал «состояние Терской области перед большевистским переворотом и в первые месяцы по утверждении на Сев[ерном] Кавказе сов[етской] власти», а также привёл «очень детальную картину Гражданской войны на Тереке, заканчивая своё описание рассказом об уходе остатков Терской армии частью в Дагестан, частью на Кубань на соединение с Добр[овольческой] армией». Хутиев не указывал круг источников, использованных «при составлении своего труда», но эксперт пришёл к выводу, что «автор, по-види-

мому, главным образом основывался на своём близком знакомстве с событиями; будучи видным участником их, он по своей должности хорошо знал и военную, и политическую сторону борьбы с большевиками; кроме того, им, несомненно, были собраны и материалы, относящиеся к Гражданской войне на Тереке (документы, воспоминания ряда участников и проч.)»⁹.

Рецензент обратил внимание на черновой характер рукописи, с исправлениями на полях, вычеркнутыми абзацами и т.д. — на эти особенности источника указали и современные публикаторы воспоминаний (с. 32). Помимо этого, Чернавин упомянул о неразборчивости почерка, стилистических шероховатостях, повторах, многословии начальных глав, но заметил, что «эти недочёты не обесценивают... рукописи, являющейся документом, очень много дающим по одному из мало освещённых до сих пор эпизодов Гражданской войны». По его заключению, Хутиеву «удалось дать, по-видимому, близкое к действительности, достаточно детальное и беспристрастное изображение первого периода Гражданской войны на Тереке», и, по оценке эксперта, за этот труд можно заплатить не менее 3450 чешских крон¹⁰.

Известны заключения экспертов, включая Чернавина, о ещё нескольких представленных Хутиевым сочинениях, из которых мемуарные очерки «Несколько дней в Северо-Кавказских горских войсках», «На Тереке в 1919—1920 гг.», «Воспоминания о готовящихся и осуществлённых десантах на Чёрном море в Мировую войну» и статья «Работа терцев в печальные дни катастрофы Вооружённых сил Юга России в 1920 г.» опубликованы Гагкуевым и Пыльцыным (первые два и последнее произведения — в составе второй части книги, с. 546—674; третье — в качестве прило-

жения, с. 675–684). О первой работе 9 мая 1930 г. Чернавин писал, что её «автор касается любопытного и малоизвестного эпизода Гражданской войны на Сев[ерном] Кавказе, а именно попытки англичан организовать в конце 1918 г., после захвата большевиками власти в Терской области, коалицию против них из народов Дагестана и Северного Кавказа. По мысли составителей этого плана кавказские народности (осетины, ингуши, чеченцы) должны были выставить свои национальные части, которые вместе с отошедшими в Дагестан терскими каз[ачьими] частями должны были образовать армию для борьбы с большевиками. Командный состав и штаб этой армии должен был включить в себя представителей от всех входивших в состав коалиции народностей (командующим северо-кавказскими войсками был назначен полковник Хабаев – осетин, начальником штаба его – полк[овник] Хутиев, автор этих воспоминаний). Вооружение, снаряжение и денежные средства давались английским командованием в Закавказье. По-видимому, в основе всего плана лежала мысль об утверждении английского влияния на территории С[еверо]-В[осточного] Кавказа (главным образом в грозненском нефтяном районе). План коалиционной армии осуществлён не был ввиду невозможности объединить те разнородные элементы, из которых должна была состояться эта армия»¹¹.

Вторая рукопись, согласно отзыву от 16 мая 1930 г., содержала «описание обстановки и событий в Терской области в 1919 и в первые месяцы 1920 г., т.е. в период от освобождения Терека Добровольческой армией от красных и по новороссийскую эвакуацию и перенесение дальнейшей борьбы в Крым». В ней «автор, бывший в 1919–[19]20 гг. начальником штаба терского атамана, почти не касается

вопроса об участии терских казачьих частей в военных действиях против большевиков в составе Добровольческой армии и рассказывает лишь о том, что происходило на территории области, являвшейся в это время тыловым районом по отношению главного фронта Вооружённых сил Юга России». В отличие от записок, посвящённых событиям на Тереке в 1917 и 1918 гг., новое «повествование» велось Хутиевым «в иной форме и по иному плану». Вместо подробного рассмотрения положения «в каждом из отделов области» события описывались «в более общих чертах и для всей области сразу». По мнению Чернавина, эта разница объяснялась тем, что «во время Гражданской войны на Тереке обстановка в каждом отделе области и на каждом из многочисленных фронтов представляла свои своеобразные особенности, отличные от особенностей других фронтов и районов области», а «в последующий период, когда фронт Гражданской войны передвинулся далеко на север, различия в положении отдельных частей области сгладились»¹².

Эксперт особо подчеркнул внимание Хутиева к проблеме отношений между руководством Белого движения на Юге России и терским казачеством. Он напомнил, что «Добровольческая армия была встречена на Тереке очень сдержанно и с недоверием», причём «с течением времени это недоверие не исчезло, скорее усилилось». Пытаясь объяснить отличие терцев от горячо поддержавших Добровольческую армию донских и кубанских казаков, Хутиев «сообщает фактические данные о взаимоотношениях терского атамана и правительства с главноначальствующим Сев[ерного] Кавказа (ген[ерал] Ляхов, затем Эрдели), о политике, проводимой администрацией Добров[ольческой] армии на местах и проч.» и, по

заклучению рецензента, «в своих суждениях автор достаточно объективен и не проводит “самостийной”, казачьей точки зрения». Не менее обстоятельно Хутиевым «изложен... вопрос о постепенном развале терских частей Добровольческой армии и о заключительном фазисе борьбы на Тереке (уже после потери связи с Добровольческой армией), кончившемся отходом остатков терских частей в Грузию». В этих записках наблюдались некоторые пересечения с представленной ранее в РЗИА рукописью члена терского войскового правительства полковника Д.С. Писаренко, однако Хутиев как бывший начальник штаба больше внимания уделил боевым действиям, а Писаренко — работе Войскового круга, съездов и совещаний. В итоге Чернавин пришёл к выводу, что сочинения обоих офицеров дополняют друг друга¹³.

О новых своих воспоминаниях и некоторых чужих работах Хутиев сообщил после экспертизы его основных произведений. 24 июля 1930 г. полковник через посредника обратился в РЗИА относительно приобретения других рукописей. При этом он писал: «Слышал от хорошего знакомого, что Вы были чрезвычайно любезны принять на себя посредничество по приобретению его рукописей. Кроме того, местный представитель архива сейчас выехал на курорт, и возвращение его ожидается не ранее 1½ месяцев. Мне же по личным обстоятельствам дело нужно ускорить». На этот раз Хутиев предложил архиву приобрести рукопись мемуаров терского казака, бывшего депутата Государственной думы Н.В. Лисичкина «Мои воспоминания о революции в 1917 году в гор[оде] Пятигорске и его окрестностях», а также свои тексты: «Лично у меня, во-первых, имеется небольшая рукопись, около 10 страниц, под заглавием: “Воспоминания

о готовящихся и произведённых (в сохранившемся архивном экземпляре: «осуществлённых». — А.Г.) десантах на Чёрном море в Мировую войну”. Я в качестве офицера Генерального штаба состоял в штабе 5-го Кавказского корпуса. Этот корпус в 1915 г. дважды предназначался и готовился к десантам сперва в районе Босфора, потом — Константины. В 1916 году 123-я и 127-я пех[отные] дивизии произвели высадку в районе Трапезунда, и ещё раньше в Приморском отряде было произведено несколько мелких десантов. Части эти вошли в состав 5-го Кавказ[ского] корпуса. В рукописи фактического материала немного, т[ак] к[ак] документов под руками не имеется. Тем не менее мне представляется, что для истории это подходящий материал». В этом же обращении предлагалось приобрести воспоминания генерал-майора К.К. Агоева «К страницам истории 1-го и 2-го Волгских полков Терского казачьего войска» и подготовленное другим, неназванным автором описание боёв на Кавказском фронте. В письме от 4 сентября 1930 г. Хутиев поинтересовался у Чернавина о судьбе этих материалов и в связи с намерением покинуть Болгарию попросил ускорить решение вопроса¹⁴.

О встреченных видным участником Гражданской войны затруднениях при продаже материалов в РЗИА свидетельствует ответ управляющего архивом от 4 ноября 1930 г. В нём говорилось, что рассмотрение «отдельных рукописей» Хутиева «немного задержалось», и «окончательно решён вопрос о приобретении за 225 к[рон] ч[ешских]» только статьи о терцах в последние дни Вооружённых сил Юга России. «Некоторое сомнение» у архивных сотрудников «вызвала копия сборника “Терское казачье войско 23 июня 1918 г. — 23 июня 1919 г. Памяти годовщины восстания терско-

го казачества. Пятигорск. — Тип[ография] Терского казачьего войска, 1919 г.». Это издание можно было приобрести лишь в случае его редкости, и потому «предварительно архив хотел бы получить от Вас ответ на следующие вопросы: 1. Кто является владельцем этих сборников. Если сборник у Вас на руках, то не можете ли Вы предложить архиву самый оригинал; 2. Не знаете ли Вы, в каком количестве был издан этот сборник». При согласии «уступить рукопись “Работа терцев...” за указанную выше сумму» Хутиеву предлагалось «прислать счёт и подписку по прилагаемому образцу», после чего ему намеревались переслать деньги, а о судьбе «мелких рукописей» сообщить «дополнительно»¹⁵.

В декабре 1930 г. руководство РЗИА решило купить за 60 крон рукопись о десантах на Чёрном море. Согласно поступившей на неё рецензии, опубликованной Гагкуевым и Пыльцыным, «автор в Мировую войну служил долгое время в штабе V Кавказск[ого] корпуса, который неизменно назначался в десантные операции... полк[овник] Хутиев как офицер Ген[ерального] штаба десантного корпуса был в курсе обстановки, принимал участие в разработке технической стороны плана десанта, почему показание его известное значение имеет» (цит. по: с. 750—751). Тогда же Георгию Степановичу отказали в приёме двух других рукописей. «Воспоминания о пластунах» содержали, по заключению Чернавина от 11 декабря, «не лишённый интереса материал по вопросу о начале войны на Кавказском фронте», но он был отклонён, поскольку ранее архив отказался от приобретения более основательных записок на ту же тему генерала И.Е. Гулыги, к которым сообщения Хутиева могли выступать лишь в качестве дополнения. В записках же о 1-м и 2-м Волгских полках

Хутиеву принадлежало лишь предисловие, а автором основного текста, «как видно из содержания рукописи», являлся «один из видных представителей Терского казачьего войска ген[ерал] Агоев (известен главным образом своим участием в Гражданской войне на Сев[ерном] Кавказе)». Сочинение состояло из очерков, характеризующих участие терских казаков в мировой войне, «причём ген[ерал] Агоев описывает то, что он лично наблюдал и в чём принимал участие». По мнению Чернавина, подготовившего отзыв 9 декабря, рукопись в целом представляла «известный интерес», но «отсутствие подписи автора её и замена этой подписи подписью (под каждым из очерков) полк[овника] Хутиева, сделавшего, как можно думать, выборки из воспоминаний ген[ерала] Агоева», ставила «чисто формальный вопрос о возможности приобретения такого рода документа архивом»¹⁶.

Уведомление о принятых решениях вместе с отклонёнными рукописями были отправлены в Софию 20 декабря 1930 г. Хутиев к этому времени уже перебрался в Нью-Йорк¹⁷, и посылка вернулась в Прагу. Не получив известий, он 31 декабря писал Чернавину: «В конце августа я выслал Вам несколько своих и чужих рукописей, с тем чтобы предложить их приобрести архиву. До сих пор об их участи ничего не знаю. Полагаю, что они получены, но вполне вероятно, что они не были приняты, чем и объясняю Ваше молчание. Прошу иметь в виду, что ни в какой мере не в претензии на Вас. Наоборот, прошу извинить за причинённые хлопоты. Об одном теперь прошу — это вернуть мне рукописи, раз они не приобретены архивом». В постскриптуме Хутиев самокритично заметил: «Я и сам невысокого мнения о достоинствах моих рукописей как в литературном, так в особенности в смысле фактических данных

отношениях. Ввиду переезда в Америку не имел времени собрать ещё материалы, а главное, не имел необходимого спокойного состояния»¹⁸. В итоге он получил официальный ответ в письме из РЗИА от 14 января 1931 г.¹⁹

В опубликованных в 2024 г. воспоминаниях Хутиев описывает общее положение в Терской области накануне и в годы Гражданской войны. Состояние региона в это время характеризовалось сложнейшими отношениями между казачьим, иногородним и горским населением, лишь обострившимися после 1917 г. и вылившимися в вооружённое противостояние. В ряде случаев мемуарист показал механизмы взаимной эскалации насилия, например, когда казаки сталкивались с распространёнными на Северном Кавказе традициями кровной мести (с. 366–367). Хутиев приводит характеристики атамана М.А. Караулова, братьев Г.Ф. и Л.Ф. Бичераховых, Э.А. Мистулова и других лидеров казачества и антибольшевистского движения на Тереке, скрупулёзно описывает боевые операции, а также рассказывает об изгнании казаков из населённых пунктов, ранее принадлежавших горцам, и о других событиях тех лет.

Значительная часть мемуаров посвящена Терскому восстанию 1918 г., которое Гагкуев и Пыльцын считают одним из ключевых событий в истории местного казачьего войска и Гражданской войны на Северном Кавказе (с. 8, 14). Первые вооружённые выступления казаков против красных летом 1918 г. были связаны с изъятием представителями советской власти у населения хлеба и скота, самоуправством красноармейцев, попытками разоружить станицы (с. 137, 164) и требованиями выдачи офицеров (с. 171–172). При формировании антибольшевистских отрядов большую сложность представляло установление твёрдой дисциплины в послереволю-

ционной обстановке. Не хватало артиллерии и пулемётов, не доставало казачьих офицеров, готовых занять командные должности, поскольку они не доверяли казакам (с. 140). При этом численность офицерского состава в регионе оставалась довольно высокой, и в одном только Владикавказе, по замечанию мемуариста, насчитывалось до 1500 офицеров (с. 419). Тем не менее ряд квалифицированных генштабистов — кроме самого Хутиева, это генерал-лейтенант А.С. Мадритов, полковники И.Н. Беликов, В.Ф. Белогорцев, М.И. Зимин, Г.Г. Колесников, Г.П. Татонов, С.В. (С.А.) Соколов — поддержали выступление и даже оказались в его руководстве.

Очень подробно Хутиев описывает начало Терского восстания и операции на разных направлениях и фронтах в течение следующих пяти месяцев. Потерпев поражение, повстанцы оставили территорию войска и ушли в Дагестан, Грузию и на Кубань. Мемуарист отмечает, что красные опирались прежде всего на неказачье население, включая горцев (с. 124), и это придавало противостоянию особенную остроту и ожесточённость. Если верить автору воспоминаний, уже в 1918 г. вооружение и снабжение Красной армии превосходили возможности казаков, а на три четверти её успех обеспечили бронепоезда. Представляется справедливым его вывод: «Советская власть как общегосударственная, располагая всеми государственными средствами, имела неизмеримо больше средств и возможностей вести борьбу» (с. 125). Боеспособные терцы, перешедшие после поражения восстания на Кубань, присоединились к Добровольческой армии и, по наблюдению Хутиева, попав «в обстановку, где части имели подобие дисциплины» старых полков императорского времени, стали более ответственно относиться к своим воинским обязанностям (с. 520).

Несмотря на свой антибольшевизм, Хутиев признавал, что после занятия Терской области красные не стали устраивать в ней массовый террор. В некоторой степени, как он полагал, это объяснялось нежеланием спровоцировать здесь новое восстание (с. 523–525). Характеризуя установившиеся порядки, автор обратил внимание на курьёзный случай, связанный с отношением населения к трудовой повинности. Поскольку «от нарядов на работы» освобождались только женщины с грудными детьми, то не имевшие их жительницы Владикавказа, «отправляясь в очереди» за «получением продуктов», стали «брать детей напрокат у соседей или родственников» (с. 527). В то же время Хутиев признавал немалые достижения советской власти в культурно-просветительской сфере. Так, во Владикавказе открылись «Академия художеств, Консерватория, Свободный университет и т.д.», а «кадетский корпус был обращён в гимназию», хотя, по мнению автора, «обстановка для всех была слишком тревожная, чтобы население особенно интересовалось этими заведениями» (с. 528). К сожалению, это место мемуаров публикаторы комментировать не стали. Между тем 5 октября 1918 г. декретом СНК Терской народной республики во Владикавказе был основан Первый советский политехнический институт (ныне Горский государственный аграрный университет), ставший первым высшим учебным заведением на территории Терской области и Дагестана. К 1 декабря 1918 г., ещё до начала занятий, в институт записались 875 студента²⁰, что опровергает слова мемуариста о всеобщей безучастности к новым учреждениям.

Любопытны рассуждения Хутиева об отношении казаков к Добровольческой армии, выбившей красных с Терека в 1919 г. После этого в регионе оказалось немало лиц либо

сочувственно относившихся к большевикам по своим убеждениям, либо сотрудничавших с ними «в силу создавшейся обстановки». В итоге белых здесь встречали без энтузиазма (с. 553). Вскоре органы терского войскового управления перевели из Владикавказа в Пятигорск, на фронт мобилизовали всё мужское население до 42 лет (с. 563, 566), кроме того, начались расправы над реальными и мнимыми сторонниками красных, что не добавляло белым популярности. Нередко жестокому наказанию подвергались совершенно случайные люди. Хутиев описывает инцидент в станице «Ч.» (возможно, в его родной Черноярской), где военно-полевой суд приговорил к повешению бывшего станичного атамана, который одним из немногих выписывал и читал газету, получил ранение во время Терского восстания, но после поражения повстанцев, оставшись в станице, вошёл в состав Народного совета и участвовал в организации снабжения Красной армии. Вместе с ним были казнены ещё два станичника: войсковой старшина, по инвалидности не ушедший с восставшими в конце 1918 г. и тоже вступивший в Народный совет, и один казак, якобы сочувствовавший красным. При вынесении им обвинительного приговора сводились и личные счёты (с. 554–557).

Тексты Хутиева содержат много ценных сведений о боевых действиях. Среди них — яркое описание боя у станицы Егорлыкской в конце февраля — начале марта 1920 г. (с. 607–611), считающегося крупнейшим конным сражением Гражданской войны, в котором участвовали порядка 25 тыс. всадников. Останавливается Хутиев и на таком специфическом, но важном вопросе, как состояние конского состава (с. 617). Немало страниц посвящено участию терцев в 1920 г. в десанте белых из Крыма на Кубань,

в Заднепровской операции и в последующих боях с красной конницей (с. 639–665). Он упоминает и о драматических обстоятельствах эвакуации «Русской армии» из Крыма, не скрывая, что 31 октября 1920 г. в Феодосии «на берегу остались», а попросту — были брошены около 500 казаков из Терско-Астраханской бригады. Не попали на корабли и подошедшие утром следующего дня воины 2-го Терского пешего полка, «из состава которого» лишь «нескольким офицерам и казакам удалось на лодках доплыть к парходам и погрузиться» (с. 665).

Воспоминания Хутиева проясняют судьбу многих участников антибольшевистского движения. К примеру, известно, что на Северном Кавказе в 1920 г. погиб один из руководителей московского восстания 1917 г. (начальник штаба Московского военного округа, формировавший отряды из офицеров и юнкеров) полковник Генерального штаба К.К. Дорофеев²¹. Хутиев не только сообщает подробности обстоятельств его смерти, но и приводит характеристику этому офицеру: «Это был очень энергичный офицер. Находясь некоторое время во Владикавказе в качестве н[ачальни]ка гарнизона, он зарекомендовал себя с лучшей стороны как у солдат, так и у населения... Назначенный начальником этапов по Военно-Грузинской дороге, полковник Дорофеев выехал организовать их на месте и пропал без вести. Говорили, что он был взят в плен ингушами и расстрелян. Возможно, что он сделался жертвой своей неосторожности. Насколько известно, он высказывал мысль о продолжении борьбы в союзе с ингушами. Кажется, для переговоров с ингушами он поехал в сторону от Военно-Грузинской дороги в ингушское селение и исчез» (с. 600).

При изобилии фактических данных в мемуарах ощутимо не хватает

осмысления событий, выводов и обобщений. По-видимому, это обусловлено определённой ограниченностью мышления Хутиева. Отдельные его оценки, высказанные по более частным случаям, не лишены интереса, но не меняют картины. Его записи представляют собой достаточно сухой текст, напоминающий журнал военных действий. Единственное, что обращает на себя внимание, — неприятие полковником Генерального штаба большевиков.

Жанровые особенности текстов Хутиева верно подмечены автором отзыва на статью «Работа терцев в печальные дни катастрофы Вооружённых сил Юга России в 1920 г.» при её рассмотрении в РЗИА. Эксперт указал, что она не являлась продуктом единоличного творчества, а была составлена, «как помнит полк[овник] Хутиев, штабом Терско-Астраханской бригады». Рецензент охарактеризовал работу следующим образом: «Данный очерк принадлежит к той категории полуофициальных документов, которые были составлены под свежим впечатлением разразившейся катастрофы, когда на руках ещё были документы, т.е. в Галлиполи или в иных местах эмиграции... В описании даны лишь сводки официальных донесений о происходивших событиях, излагаемых обычно день за днем», что определяло как их достоинства, так и недостатки. По мнению специалиста, ценность таких материалов заключалась в возможности на их основе «установить точные даты того, что делали на фронте остатки терских и астраханских казаков, сведённых в Терско-Астраханскую бригаду», в них приводятся записи о потерях и т.п. Слабая сторона «подобных документов» состояла в том, что «их можно рассматривать не как оригинальный рассказ, а лишь как материал для справки будущего пути на Гражданской войне», и именно в таком каче-

стве они «вполне надёжны, и ими не следует пренебрегать» (с. 744–745).

Можно сказать, что Хутиев создал подробнейшую летопись участия терских казаков в событиях 1917–1920 гг., без обращения к которой невозможно полноценное изучение этой темы. Свидетельства мемуариста, несомненно, пригодятся историкам Белого движения на Юге России и Гражданской войны на Северном Кавказе.

Примечания

¹ Терский сборник / Редкол.: О.В. Губенко [и др.]. Вып. 12. Екатеринбург, 2024. С. 5, 11, 46, 750.

² Там же. С. 750.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Bakhmeteff archive of Russian and East European history and culture, Evgenii Vasil'evich Maslovskii papers, b. 2. *Масловский Е.В.* Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником, 1. 1496.

⁶ *Остапенко К.М.* Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска, 1920–1921 гг. / Ред.-сост. В.Е. Койсин, А.А. Коновалов. М., 2015. С. 96.

⁷ См., например: *Пыльцын Ю.С.* Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооружённые формирования терского казачества (октябрь 1917–1922 гг.). М., 2022.

⁸ Некоторые рецензии 1930 г. на рукописи Хутиева приводятся как Гагкуевым и Пыльцыным (с. 744–745, 750–751), так и участниками Терского общества любителей казачьей старины (Терский сборник. С. 47).

⁹ ГА РФ, ф. Р-7030, оп. 1, д. 216, л. 185–186.

¹⁰ Там же, л. 187 об.

¹¹ Там же, л. 184–184 об.

¹² Там же, л. 182–182 об.

¹³ Там же, л. 182 об.–183. Воспоминания Писаренко опубликованы: *Писаренко Д.С.* Терское казачество: три года революции и борьбы. 1917–1920. М., 2016.

¹⁴ ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 301, л. 1–4.

¹⁵ Archiv Národní knihovny České republiky (далее – Archiv NK ČR), T-RZIA, část 6, i.j. 1790, l. 2.

¹⁶ Ibid., l. 3; ГА РФ, ф. Р-7030, оп. 1, д. 216, л. 180–181.

¹⁷ Указание на то, что переезд состоялся в середине 1930-х гг., ошибочно (см.: Терский сборник. С. 11).

¹⁸ Archiv NK ČR, T-RZIA, část 6, i.j. 1790, l. 4–4 об.

¹⁹ Возвращённые Хутиеву рукописи о казаках-пластунах и о Кавказском фронте не пропали. Впоследствии они оказались в архиве войскового атамана Кубанского казачьего войска генерала В.Г. Науменко, а в ноябре 2024 г. были проданы на аукционе «Литфонд» (URL: www.litfund.ru/auction/606s2/212/ (дата обращения: 05.03.2026)). Можно надеяться, что они тоже будут изданы.

²⁰ Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. Изд. 3. М., 2023. С. 95.

²¹ Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, ф. 1, оп. 1, д. 268, л. 68.

Иманутдин Сулаев

Рец. на: Г.С. Хутиев. Борьба терских казаков с большевиками / Сост. Р.Г. Гагкуев, Ю.С. Пыльцын. М.: Издательский центр «Воевода»; Кучково поле Музеон, 2024. 800 с., ил.

Imanutdin Sulaev

(Dagestan State University, Makhachkala, Russia)

Rec. ad op.: G.S. Khutiev. Bor'ba terskih kazakov s bol'shevikami. Moscow, 2024

DOI: 10.7868/S3034579026010224

Гражданская война в России – сложная страница отечественной истории, не оставляющая равнодушными ни специалистов, ни обывателей. Ей по-

священы сотни научных работ, однако особый интерес у читателей всегда вызывали публикации свидетельств участников тех событий. Достойное